

Савельев Сергей Владимирович

К ПРОБЛЕМЕ ПОДРАЖАНИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: "ГЛАС ВОПИЮЩЕГО" ДЖОНА ГАУЭРА И "ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ЛЮБВИ" ТОМАСА АСКА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2010/11-1/59.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2010. № 11 (42): в 2-х ч. Ч. I. С. 167-169. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2010/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Прилагательные *vieux / старый* являются маргинальными средствами выражения предшествования в микрополе адъективных спецификаторов времени и выражают предшествование, только если характеризуют абстрактное существительное (старая ссора, старая любовь, старая история). Данные формы функционируют в бикомпозитной структуре с нетемпоральным существительным:

(18) Une irritation naissait en moi que j'essayait en vain de contenir. Ma *vieille méchanceté* ouvrait l'oeil (F. Mauriac. Le Noeud de vipères).

(19) Наконец он кончил, запечатал письмо в одном пакете с паспортом, снял очки и, подзвав меня, сказал: «Вот тебе письмо к Андрею Карловичу Р., моему старинному товарищу и другу. Ты едешь в Оренбург служить пол его начальством» (А. Пушкин. Капитанская дочка).

На глубинно-семантическом уровне эти прилагательные репрезентируют референциальный и ситуативно-опорный моменты относительно исходно-опорного момента, представленного моментом речи или иным временным ориентиром. Данные формы выступают как неопределенно-фиксированные показатели времени, указывая на удаленное от точки референции предшествование. Приведенные высказывания демонстрируют тонкальное [пример (18)] и некальное [пример (19)] употребление рассматриваемых показателей предшествования. Исходно-опорный момент в примере (18) находится в зафразовом контексте, темпоральный спецификатор реферирует к моменту разговора Луи с дочерью. Исходно-опорный момент примера (19) - момент речи – обуславливается канонической ситуацией прямой речи. Рассматриваемые прилагательные в обоих языках синкретично репрезентируют референциальный и ситуативно-опорный компоненты глубинно-семантической структуры темпорального локализатора, характеризуя событие как давно случившееся, либо имя как существующее с давних пор.

На глубинно-синтаксическом уровне в результате реконструкции свернутой предикативности и транспонирования прилагательного в наречие мы получаем следующие высказывания:

Ma *vieille méchanceté* => *la méchanceté qui m'avait tourmenté (dévoré) jadis.*

Моему старинному товарищу и другу => *товарищу и другу, которого я знаю с давних пор.*

Таким образом, номенклатура адъективных средств выражения предшествования довольно велика и во французском и в русском языках. Темпоральная локализация высказывания зависит от синтаксической функции прилагательного в предложении. Прилагательное в субъектной, объектной и предикативной структурах представляют собой свернутую предикативность и локализуют лишь часть высказывания. При этом прилагательные совмещают в себе функции локализации, референции и предикации, что является спецификой именно темпоральных прилагательных, поскольку другие семантические группы прилагательных нереперентны. Темпоральное прилагательное со значением предшествования дает временную характеристику имени существительному, но поскольку адъективно-именные структуры репрезентируют скрытую предикативность, то мы можем говорить о том, что прилагательное предшествования локализует не просто объект во времени, но и процесс, в котором этот объект участвует.

Список литературы

1. **Закамулина М. Н.** Темпоральность во французском и татарском языках: слово, высказывание, текст. Казань: Татарское книжное издательство, 2000. 288 с.
2. **Павловская М. А.** Переходность семантики предикативного признака в предложении // Семантика переходности. Л., 1977. С. 110-117.
3. **Galichet G.** Grammaire structurale du français moderne. P.: Hatier, 1968. 248 p.
4. **Moignet G.** L'incidence de l'adverbe et l'adverbialisation des adjectifs // Travaux de Linguistique et de Littérature. 1963. № 1. P. 175 -194.
5. **Noailly M.** Adjectif en français. Paris: Opyrus, 1999. 168 p.
6. **Pottier B.** Systématique des éléments de relation: étude de morphosyntaxe structurale romane. P.: Klincksieck, 1962. 375 p.
7. **Ruwet N.** Introduction à la grammaire générative. Paris: Plon, 1967. 448 p.

УДК 82-191

Сергей Владимирович Савельев

Московский государственный областной социально-гуманитарный институт

К ПРОБЛЕМЕ ПОДРАЖАНИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: «ГЛАС ВОПИЮЩЕГО» ДЖОНА ГАУЭРА И «ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ЛЮБВИ» ТОМАСА АСКА®

Необходимость рассмотрения текстов данных авторов во многом продиктована недостаточно широким освещением в отечественной науке отдельных английских авторов 14 века. Так, Джон Гауэр, являвшийся в большей степени англо-нормандским поэтом, был более известен читающей континентальной Европе, чем Джеффри Чосер, творивший, в основном, на «островном языке», практически не использовавшимся за пределами Британских островов» [2, p. 8].

В исследованиях, посвящённых сравнительному изучению творчества Гауэра и Аска [1, p. 112], основное внимание чаще всего направлено на проблему авторства «Доказательства любви», при этом основной акцент делается на том факте, что текст «Доказательства» был известен Гауэру и получил от него весьма пренебрежительную оценку, что отчасти подтверждает письмо Гауэра Чосеру, в котором он в шуточной форме торопит Чосера скорее заканчивать своё «Доказательство любви», подразумевая «Легенду о славных женщинах» (1388). Презрительное отношение Гауэра к «Доказательству любви» Аска критики объясняли тем фактом, что в своём произведении Аск приравнивал себя к Чосеру, что могло не понравиться последнему [3, p. 34-35]. Данная интерпретация возможна, учитывая характер и состояние литературной атмосферы Лондона 14 века - несколько литературных кружков, объединявших читателей и сочинителей. Однако, не только факт знакомства Гауэра с текстом «Доказательства любви» связывает Томаса Аска и Джона Гауэра. Аску, безусловно, был известен текст видения «Глас вопиющего» Гауэра, и в «Доказательстве любви» Аск нередко отсылает своего читателя к этому произведению. Таким образом, возможно новое прочтение и понимание «Доказательства».

В «Доказательстве любви» Аск повествует о своём участии в политической жизни Лондона в начале восьмидесятых годов 14 века. Будучи сторонником Джона Нортгемптона, лорда-мэра Лондона, Аск был в 1384 году арестован сторонниками Николаса Брембри - политического оппонента Нортгемптона. Находясь в заключении, Аск дал письменные показания против Нортгемптона и стал главным свидетелем обвинения на суде над Нортгемптоном. В обмен на свои показания Аск надеялся быть помилованным. 24 сентября 1384 года Аск получил королевское прощение и новое назначение в графстве Миддлсекс.

«Доказательство любви» было, вероятно, написано в 1385-86 годах, то есть после получения королевского прощения, на что есть указание в тексте. В первой книге Аск упоминает о верности Нортгемпτονу, понимании ошибочности своих деяний, королевском прощении и страданиях, которые ему приходится переносить. Начало первой книги часто рассматривается как своего рода «политическое раскаяние». Аск повествует о том, как он заблуждался, но, тем не менее, вернулся на правильный путь, используя аллгорию. Наиболее ярким примером подобной аллгории является эпизод *Shippe of Traveyle*. Композиционно и тематически *Shippe of Traveyle* близок к жанру видения (dream vision), что, в общем, традиционно для подобных текстов. В видении Аска герой, погруженный в свои мысли, оказывается в зимнем лесу. Особенности описания леса позволяют предположить, что Аску был знаком текст «Божественной комедии» Данте. Описание леса во многом сходно с описанием «сумрачного леса» (selva oscura). Лес у Данте - место, где человеку на его пути некому помочь, где он остаётся совершенно один. У Аска душевное одиночество проистекает из одиночества политического, он оставлен своими соратниками и покровителями. Внезапно героя видения пугают «огромные чудовища и одичавшие люди» (grete beestes ... and hemes gonne to wilde). Герой настолько напуган, что вызывает к проходящему рядом с берегом моря, где он очутился, пройдя через лес, кораблю. Взойти на борт корабля ему помогают такие аллгорические фигуры как Зрение, Желание, Мышление и Воля. Здесь Аск прибегает к использованию персонажей, типичных для моралите и мираклей, например, «Человек». Использование этих персонажей, персонифицированных пороков и добродетелей, используется Аском для объяснения мотивов, которые подвигли его на преступление, а потом на раскаяние. Корабль попадает в шторм, но, тем не менее, благополучно добирается до острова, где героя (Аска) ждёт Любовь, и где он находит самую прекрасную жемчужину, Маргарет, которой он клянётся служить всю жизнь. Как отмечает П. Штром, чудовища, превратившиеся в морские волны, вероятно, символизируют бывших соратников и покровителей Аска. Путешествие на корабле можно интерпретировать как ход судебного процесса над Аском, а прибытие на остров - успешное разрешение дела [4, p. 102].

Жанр видения допускает наличие автобиографических элементов в тексте, однако нетипичность аллгорического нарратива Томаса Аска позволяет утверждать, что Аск создавал «Доказательство», опираясь на конкретный образец. Некоторые исследователи склонялись к мнению, что образцом для видения Аска послужил манускрипт «Видения о Петре-пахаре». Однако нам видится более вероятным сходство эпизода «Shippe of Traveyle» с Книгой 1 «Гласа Вопиющего» Джона Гауэра. По сути, текст Аска - это повторение видения Гауэра, в котором толпа людей превращается в домашний скот, затем превращающийся в диких животных, разоряющих Лондон. Данное видение - аллгория крестьянского восстания 1381 года.

Если сравнить описания Аска и Гауэра, то станет заметен общий мотив - герои обоих видений сожалеют о том, что покинули свои дома и оказались в лесу. При этом текст Аска является, по сути, «отражением» видения Гауэра.

Как и в видении Гауэра, героя видения Аска спасает проплывающий мимо корабль, при этом и Аск, и Гауэр сравнивают морские волны с человеческим вероломством. Аск описывает море следующим образом: «The wawes semeden as they kiste togider; but often under colour of kisinge is mokel old hate prively closed and kept». Гауэр даёт штормовому морю следующую характеристику: «Sic simul insidiis hominum pelagique labo». И Аск, и Гауэр называют корабль «своим», используя образ корабля как метафору своего душевного состояния. Так, герой Аска, добравшись до острова, где его ждёт Любовь (душевное спокойствие), восклицает «in a little tyme my ship was out of mynde». Таким образом, Аск использовал аллгорию Гауэра для описания своего политического пути и, главное, причин предательства Нортгемптона. Возможно, Аску понравилась метафора Гауэра о судебном процессе как море, в котором у обвиняемого есть шанс на спасение, только если у него есть корабль, ведомый опытным рулевым.

Следуя за Гауэром, Аск сравнивает шторм с предательством: *The wawes semeden as they kiste togider; but often under colour of kissinge is mokel old hate prively closed and kept*. Подобную же образность мы видим в «Гласе вопиющего»: *Sic simul insidiis hominum pelagique laboro*. Аск фактически копирует аллегорию Гауэра о человеческой природе, внося в неё более узкий смысл: обвиняемый (путник) бессилён противостоять судебным обвинениям (шторм, лес), если рядом с ним нет надёжных покровителей (корабль, рулевой, остров, гавань).

Присутствие в поэме Томаса Аска явных аллюзий на видение Джона Гауэра «Глас вопиющего» позволяет понять политическую подоплёку «Доказательства». Центральным образом для понимания политической природы обоих видений является образ острова, вероятно, Британии. Однако текст Томаса Аска лишён черт антиутопии, присущих «Гласу вопиющего».

Вероятно, подражание Аска Гауэру имело не только эстетическую, но и политическую цель. Подражание признанному поэту, консерватору, осуждавшему охлократию, было своеобразным посланием Аска своим политическим оппонентам об изменении политических предпочтений. Таким образом, создаётся впечатление, что литературное произведение эпохи Ричарда II - это не только текст, обладающий литературной ценностью, но и важный политический документ, позволяющий сделать политическое заявление в форме аллюзии или литературной аллюзии.

Список литературы

1. **Bennett J. A. W.** Selections from John Gower. Oxford, 1968. P. 172.
2. **Burrow J. A.** Medieval writers and their work: Middle English literature and its background (1100-1500). Oxford University Press, 1982. 158 p.
3. **David R. Carlson.** Chaucer's *Boethius* and Thomas Usk's *Testament of Love*: politics and love in the Chaucerian tradition // The centre and its compass: studies in medieval literature in honour of professor John Leyerle / ed. R. Taylor. Kalamazoo, Michigan, 1995. P. 29-70.
4. **Paul Strohm.** Politics and poetics: Usk and Chaucer in the 1380s // Literary practice and social change in Britain (1380-1530) / ed. Lee Patterson. Berkeley, California, 1990. P. 83-112.
5. **The complete works of John Gower:** in 4 vols. / ed. G. C. Macaulay. Oxford, 1901.
6. **The major Latin works of John Gower: "The voice of one crying" and "The tripartite chronicle"** / ed. and trans. Eric W. Stockton. Seattle, Washington, 1962.

УДК 81'367.335.2

Елена Михайловна Саржина
Томский государственный педагогический университет

КЛАССИФИКАЦИИ ПРИДАТОЧНЫХ В АНГЛИЙСКОМ СЛОЖНОПОДЧИНЕННОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ: СХОДСТВА И РАЗНОЧТЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ГРАММАТИКАХ[©]

Отсутствие в отечественном и зарубежном языкознании единого подхода к трактовке грамматических явлений и, как следствие, терминологической унификации зачастую мешает ориентироваться в современном информационном лингвистическом пространстве при сопоставлении однопорядковых грамматических явлений. В данной статье представлена попытка выявить совпадения и различия в трактовке разными лингвистами типов придаточных предложений (*subordinate clauses*) в английском сложноподчиненном предложении (*complex sentence*) и сопоставить используемую терминологию.

Русский термин «придаточное предложение» соответствует в английском языке термину *clause*, который широко употребляется как в отечественной, так и в английской грамматических традициях, когда речь идет о предложении, входящем в состав сложноподчиненного или сложно-сочиненного предложения.

Английские и отечественные лингвисты едины в толковании термина «придаточное предложение» (*subordinate clause*). Краткий словарь лингвистических терминов определяет придаточное предложение как «зависимый компонент сложноподчиненного предложения, содержащий подчинительный союз или союзное слово» [3, с. 109]. Толковый словарь современного английского языка для продвинутого этапа А. С. Хорнби дает следующее определение термина *subordinate clause*: «это зависимое предложение, которое вводится союзом и функционирует как существительное, прилагательное или наречие (A subordinate clause (dependent clause), which, introduced by a conjunction, serves as a noun, adjective or adverb)». Авторы английского грамматического справочника «The Oxford Guide to the English Language» дают практически такое же толкование данного термина, уточняя лишь, что придаточное является зависимым от главного предложения [18, p. xxii].